

АРХИВ

УДК 340.113.1 + 340.115.3

DOI: 10.17223/1998863X/39/26

В.В. Оглезнев, В.А. Суровцев

ПИТЕР ХАКЕР ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ¹

Рассматривается вопрос об эффективности применения традиционного родовидового определения к правовым понятиям. Представлены и проанализированы критические аргументы Питера Хакера против доминирующего в аналитической философии права подхода к определению правовых понятий Герберта Харта. Показано, что отказ от родовидовых определений в пользу контекстуальных определений Бентэма и «объясняющих прояснений» Харта преждевремен и не обоснован. В приложении в переводе на русский язык приводится работа П. Хакера «Определение в юриспруденции».

Ключевые слова: определение, парафраз, контекст, аналитическая философия права, правовые понятия.

Проблема определения правовых понятий является, пожалуй, одной из фундаментальных в юриспруденции. Как определить правовые понятия? Как раскрыть их репрезентативное содержание? Какой метод определения наиболее приспособлен и, следовательно, эффективен для этих целей? Чем методы определения, применяемые в юриспруденции, отличаются от методов, используемых в точных и других гуманитарных науках?

Эта проблематика и сегодня не теряет своей актуальности. Напротив, в современной юриспруденции, благодаря влиянию, прежде всего, аналитической философии, ориентированной на анализ значения языковых выражений, проблема определения правовых понятий получает новую и оригинальную интерпретацию. Сегодня все чаще предпринимаются попытки пересмотреть эффективность общего подхода классической теории определений к определению правовых понятий, поскольку возникают вопросы об универсальности классического способа определения *per genus proximum et differentiam specificam* (определения через ближайший род и видовое отличие) применительно к правовым понятиям [1]. Несмотря на то, что этот вид определения получил наибольшее распространение в юридической науке и практике, есть основания полагать, что он не является универсальным ни в смысле *de res*, ни в смысле *de terminus*. Действительно, в определении терминов *genus* и *differentia* имеют главное значение. Определить термин – это совсем другая процедура, нежели установление сущности вещи. Одно дело выявить в реальном определении сущность предмета, и совсем другое дело выявить содержание термина, признаки которого, быть может, предполагаются наличествующими в определяемой сущности. Установить признаки, мыслимые в понятии

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6) и Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

о предмете, и установить признаки предмета – это разные предприятия. Тем не менее идет ли речь о сущности вещи или о терминах ее обозначающих, различия в определении *genus* и *differentia* сохраняются. Или ищем общий род со специфическим различием, или выясняем общий и специфический признак в содержании понятия, результатом все равно является определение *per genus proximum et differentiam specificam*. В этом отношении определения *per res* и определения *per terminus* практически не отличаются, сохраняя формальную структуру определения через ближайший род и видовое отличие. Реальные и номинальные определения, таким образом, по структуре практически не различаются. Да и вопрос стоит не о реальности и номинальности определений. Проблему составляет сама структура определения. Насколько выделение *genus* и *differentia* является существенной чертой определений вообще и определений правовых понятий в частности? Определение правовых понятий отличается от определений как в точных, так и в гуманитарных науках. Здесь не ставится вопрос об истинности и ложности определения правовых понятий, поскольку определения в этом смысле истинными или ложными не бывают. Истинность или ложность связана с соответствием или несоответствием описания факту, определения же не описывают факты, но раскрывают содержание понятий и смысл соответствующего понятию термина.

Необходимость ревизии стандартных подходов, основанных на различии номинальных и реальных определений, обусловлена тем обстоятельством, что предлагаемый современный подход основывается уже не на анализе определения отдельных правовых понятий, но на оценке системы определений в целом. В таком случае вопрос о реальности и номинальности определений снимается, поскольку во главу угла ставится не анализ юридического события, с одной стороны, и не анализ семантической нагрузки отдельных юридических терминов, с другой стороны, но когерентность и консистентность системы определений правовых понятий в целом. Иными словами, сегодня следует говорить не о том, какой из методов определения наиболее приспособлен для определения правовых понятий, но о том, возможно ли разработать такую систему определений, которая учитывала бы «открытую текстуру» (или частичную неопределенность) правовых понятий и их специфический прескриптивный характер [2], и позволяла бы избегать распространенных логических и лингвистических ошибок, связанных с семантикой и синтаксисом выражений юридического языка.

Конечно, в истории правовой мысли такие попытки предпринимались. Например, Иеремия Бентам одним из первых в наиболее отчетливой форме подверг сомнению эффективность применения традиционного метода определения *per genus proximum et differentiam specificam* к фундаментальным правовым понятиям. Свой подход он изложил в работе «A Fragment on Government» [3]. По его мнению, метод определения через ближайший род и видовое отличие не может использоваться для прояснения правовых понятий, поскольку он не учитывает их своеобразие. Напротив, этот метод успешно применяется при анализе множества обычных слов, например, таких как «яблоко» или «стол». Подобные понятия не являются *sui generis*, они вполне определены через род и видовое отличие. Так, понятие «фрукт» является родом

для первого, а «мебель» – для второго понятия, и каждый род известен и понятен. В определенных контекстах понятия «яблоко» или «стол» могут употребляться отдельно от целостных предложений, более или менее соотноситься с аналогами в мире фактов и могут быть отделены от других видов того же самого рода. По отношению ко многим понятиям естественного языка такое определение вполне безвредно. Но если попытаться применить этот метод к определению правовых понятий, то необходимо принять утверждение, что правовые понятия можно обоснованно изолировать, ориентируясь на их языковое выражение, в качестве отдельных слов, которые могут быть более или менее точным образом соотносены с их аналогами в мире фактов, а затем отделены от других видов того же самого рода. Но получится ли это сделать? «Нет», отвечает Герберт Харт – один из главных сторонников и защитников Бентама, – поясняя, что, несмотря на общеупотребительность юридических выражений, присутствующих в вопросах типа «Что такое субъективное право?», «Что такое государство?», «Что такое юридическое лицо?», их значение не всегда понятно, так как по сравнению с большинством обычных слов эти юридические выражения в различных отношениях аномальны [4. С. 37–38]. Это связано с тем, что юридические выражения не имеют непосредственной связи с аналогами в мире фактов, которая есть у большинства обычных слов, а обычные слова не эквивалентны тем, что употребляются в юриспруденции.

Харт, развивая подход Бентама к определению, актуализирует эти вопросы сначала в своей инаугурационной лекции «Definition and Theory in Jurisprudence» [4], а затем в работе «The Concept of Law» [5]. Он предлагает технику, которая должна предшествовать бесперспективному проекту выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, и должна заменить его характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в работе правовой системы. Заимствование основной идеи Бентама, что мы никогда не должны рассматривать слова, взятые изолированно, но должны рассматривать все предложение целиком, где они играют характерную для себя роль, позволяет Харту сформулировать новый метод определения правовых понятий, который он назвал «объясняющее прояснение» (*explanatory elucidation*): вместо определения единичного термина необходимо рассмотреть предложение, где единичное слово играет характерную для себя роль и объясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное слово употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае. То есть юридические термины могут быть прояснены только рассмотрением условий, при которых высказывания, где они используются характерным для них образом, являются истинными. Однако замена родовидового аналитического определения на метод, в котором учитываются условия истинности (*a truth-conditional definition*), оказалась небесспорной. И хотя это утверждение Харта сегодня является наиболее авторитетной и доминирующей методологической установкой современной юриспруденции, оно тем не менее подверглось весьма серьезной и даже резкой критике, например, со стороны Л. Фуллера, Э. Боденхаймера, Дж. Финниса, Р. Дворкина и др. оппонентов Харта [6].

Весьма интересные и оригинальные критические замечания по этому поводу высказал современный аналитический философ Питер Хакер в статье «Definition in Jurisprudence», перевод которой на русский язык представлен ниже. Он утверждает, что и позиция Бентама, и аргументы Харта против определения *per genus et differentiam* безосновательны: «Нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий» [7. С. 347]. Интерес к анализу позиции П. Хакера объясняется не только тем, что он выдвигает весьма изощренные контраргументы, но прежде всего тем, что он стремится опровергнуть утверждение, что метод определения Харта является чуть ли ни единственным приспособленным для правовых понятий. По его мнению, критика Хартом, а в равной степени и Бентамом, традиционного определения безосновательна и сама открыта существенной критике.

Питер Хакер

ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ¹

Философы права достаточно давно сталкиваются с проблемой определимости основных правовых понятий. Среди этих ключевых понятий наиболее часто обсуждаются понятия юридической обязанности, правомочности и субъективного права. Здесь можно различить несколько разных тезисов, касающихся этих понятий. Первый можно обозначить как Тезис Неопределимости. Хофельд доказывал [8. С. 63], что фундаментальные правовые отношения, вроде обязанности, свободы, субъективного права и ответственности, суть *sui generis*, а потому все попытки дать им формальное определение всегда будут неудовлетворительными, если не вообще бесполезными. Совершенно другое утверждение было предложено Бентамом [3. С. 106]. Он доказывал, что эти понятия можно определить, но только не посредством определения традиционной формы через род и видовое отличие. Он предложил два разных соображения. Первое можно назвать Тезисом Невозможности. Здесь доказывается, что невозможно определить эти фундаментальные правовые понятия через род и видовое отличие, поскольку не существует наиболее общего рода, а, следовательно, невозможно установить вид элементов, относительно которых определяемое включено в более широкий класс сходных видов элементов. Второе соображение Бентама касается не того, что традиционное определение предъявить невозможно, но того, что оно было бы бесполезным (назовем это Тезисом Бесполезности). Причина, по которой оно бесполезно, заключается в том, что любой более общий род, используемый в определении традиционной формы, будет не менее смутным, чем определяемое, и, более того, он будет озадачивать в том же самом смысле. Фундамен-

¹ Перевод с английского выполнен В.В. Оглезневым и В.А. Суровцевым по изданию: *Hacker P.M.S. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Review. 1969. Vol. 19, No. 77. P. 343–347. Публикуется впервые и с разрешения автора.*

В представленном тексте восполнены и скорректированы библиографические данные цитируемых источников. — Прим. пер.

тальные правовые понятия должны определяться посредством нового метода определения, который Бентам изобрел и назвал «Парафраза» (Paraphrasis). Этот метод предполагает помещение определяемого в предложение, а затем его перефразировку посредством перевода всего предложения в предложение, которое эквивалентно по значению, но в котором определяемое уже не встречается.

Профессор Г.Л.А. Харт в своей инаугурационной лекции «Определение и теория в юриспруденции» возрождает аргументы Бентама относительно определения субъективного права. Он во многом изменяет и улучшает конструктивные предложения Бентама. С точки зрения содержания своих соответствующих определений субъективного права Харт вводит нормативный анализ права в противоположность предсказывающему анализу Бентама. С точки зрения своего метода Харт не использует перефразировку, но вводит определение, в котором учитываются условия истинности (a truth-conditional definition). Подобно Бентаму, Харт определяет не отдельное слово, но предложение, в котором встречается озадачивающий нормативный предикат. Он определяет его перечислением условий, при которых такое предложение (или сентенциальная формула типа «Х имеет право») было бы истинным. Таким образом, он сохраняет существенную часть деструктивной критики Бентамом других методов определения этих фундаментальных правовых понятий. Фактически же интерпретация деструктивной критики Хартом других методов определения этих понятий дошла до того, что автор современного учебника по теории права отважно утверждает: «Дать определение *можно только следуя* методу, предложенному профессором Хартом» [9. С. 208]. В некоторой степени метод определения Харта принимается современными авторами как единственно приспособленный для правовых понятий [10. С. 244; 11. С. 13; 12]. Это весьма и весьма сомнительно, и я попытаюсь показать, что аргументы Харта безосновательны.

Харт принимает Тезис Беспольности, перенимая аргументацию Бентама в том смысле, что бесполезно давать определение через род и видовое отличие. Он утверждает [4. С. 46–47], что традиционная форма определения помещает смутное понятие в рамки известного класса, каковым является род. Но этого совершенно недостаточно, если озадачивающим является сам род. И если такое происходит, то это только вводит в заблуждение и ничего не проясняет. Традиционная форма определения, по его утверждению, вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что то, что на самом деле является отклоняющейся от нормы категорией, так или иначе представляет собой некоторый вид сходства, и, когда применяется к терминам вроде «субъективные права», предполагает, что подобные слова обозначают или описывают определенную вещь, человека, качество, процесс или событие. А это ничего не проясняет, поскольку способ определения, нацеленный на то, чтобы поместить подчиненный вид в рамки известной категории, сам не может прояснить характеристики категории, если она отклоняется от нормы.

Собственный конструктивный метод и определение у Харта осуществляются следующим образом [4. С. 49–50]. Рассматривая предложение типа «Х имеет право», он, прежде всего, устанавливает условия, при которых оно было бы истинным, а именно: (а) существует правовая система, (b) согласно

правилам этой системы, некое лицо *Y* в сложившихся обстоятельствах обязано совершить некоторое действие или воздержаться от него, (с) эта обязанность находится в правовой зависимости от выбора или *X*, или какого-то другого лица, уполномоченного действовать от его имени, и при этом *Y* обязан совершить некоторое действие или воздержаться от него, только если в этом состоит выбор *X* (или какого-то уполномоченного лица) или, наоборот, пока *X* (или это уполномоченное лицо) не выберет обратное. Затем к этому определению Харт добавляет вторую часть, а именно, что высказывания формы «*X* имеет право» используются для того, чтобы получить юридическое заключение.

Критические взгляды Харта, а в равной степени и Бентама, сами открыты существенной критике:

(I) В той степени, в которой Тезис Бесполезности имеет какую-то силу, он кажется прагматическим аргументом, а не аргументом, затрагивающим существенные черты фундаментальных правовых понятий. Везде, где родовой термин при традиционном способе определения, разрабатываемого при разъяснении «субъективного права», известен и понятен, он зависит от воспринимающего этот термин, с одной стороны, и от общего объяснения в касающейся его теории – с другой. Тезис Бесполезности поднимает важный воспитательный вопрос, где спрашивать об определениях вне контекста теории? Но поскольку философ пытается создать общую теорию, например теорию норм или теорию правовых систем, частью его задачи, определено, является прояснение большинства общих категорий, на которых должны быть основаны все другие термины этой теории. Может случиться так, что он будет предлагать свои определения «субъективных прав», «обязательств», «правомочий» и т.д., только после того, как он определит и объяснит род (например, действия, подпадающие под нормы; правомерные действия и т.д.), с точки зрения которого он определяет эти понятия. В этом случае Тезис Бесполезности совершенно не работает. Ибо теория будет разрабатываться шаг за шагом, прояснением и определением, классификацией и объяснением по ходу ее развития, не оставляя необъясненными понятия, которые могут навредить полноте ее структуры. Определения здесь могут быть результатом, а не исходным пунктом аргументации.

(II) Затруднительно видеть, почему определение через род и видовое отличие должно обязательно предполагать простое отношение к соответствующей «вещи» в мире. Бентам осознал, и в этом ценность его озарения, что рассматриваемые правовые понятия не «обозначают» вещи в мире тем способом, которым это якобы делают слова, обозначая «реальные сущности». Харт в значительной степени прояснил озарение Бентама. Мудрость в этике, политической философии и философии права начинается с осознания того, что слова вроде «субъективное право», «обязательство», «правомочие», «свобода», «государство», «юридическое лицо» и т.п. можно понять только в контексте норм, и того, что они определяют отношения или ситуации, которые создаются посредством существования и применимости норм. Но совершенно неочевидно, что эту идею нельзя приспособить к традиционной форме определения. Слова вроде «любовь», «страх», «гнев» также не обозна-

чают «вещи» простым способом. Но разве они не допускают аналитического определения?

(III) Харт утверждает, что аналитическое определение фундаментальных правовых понятий должно предполагать, что слова «обозначают или описывают некоторую вещь, личность, качество, процесс или событие». Но являются ли эти категории, предположительно представляющие собой родовые понятия обычного аналитического определения, известными и не вызывающими проблем? Разве понятия личности, события или качества не нуждаются в философском прояснении? Но если это так, тогда, с точки зрения Харта, не дозволены *все* определения через род и видовое отличие. А разве это практически не *reductio ad absurdum*?

(IV) В версии Харта Тезис Беспольности предполагает, что родовой термин в аналитическом определении фундаментального правового понятия вроде «субъективное право» будет (а) столь же озадачивающим, как и определяемое, и (b) озадачивающим в том же самом смысле. Это требует доказательства. Может случиться так, что при всей смутности определяемого понятия родовое понятие, входящее в определяющее, будет не менее озадачивающим. Но должно ли оно быть смутным в том же самом смысле? Понятие нормы философски проблематично, но разве оно озадачивает в том же самом смысле, как понятие субъективного права, правомочия или обязанности? Разве нет такой возможности, чтобы мы нашли, что проще объяснить понятие нормы, предписывающей, запрещающей или позволяющей действие, прежде чем определить понятия субъективного права, правомочия или обязанности, а затем перейти к определению последующих понятий с точки зрения рода вроде «вести себя в соответствии с нормами» или какого-то другого подходящего понятия.

(V) Даже если это ошибочно, т.е. даже если родовой термин озадачивает и столь же смутен, как и определяемое, Тезис Беспольности предполагает, что элементы, используемые в определении, например, «субъективного права», при новом способе определения будут отличаться от элементов, используемых при традиционном способе, и будут вполне понятны. То есть смутность, присущая любому родовому термину, используемому для определения фундаментальных правовых понятий с помощью традиционных средств, не относится к термину, используемому в новой форме перефразировки, или определению посредством условий истинности. Но так ли это? Собственное определение Хартом «субъективного права», основанное на условиях истинности, включает использование следующих понятий: имеющаяся правовая система, нормы, системы норм, обязательство, обоснованный правом выбор, действие и др. Однако эти загадочные понятия нуждаются в философском анализе не меньше, чем «субъективное право». Но если их разрешается употреблять в определении, использующем условия истинности, то почему их запрещено использовать в аналитическом определении?

(VI) Харт предлагает еще одну причину, почему при столкновении с фундаментальными правовыми понятиями рассматриваемого вида традиционный метод определения оказывается бесполезным. «Выражение “субъективное право”, – пишет Харт – имеет значение только как часть предложения, функция которого как целого состоит в том, чтобы получить юридическое заклю-

чение из особой разновидности правовой нормы» [4. С. 43]. Эта теория, вытекающая из чрезмерного внимания к речевым актам, открыта следующим возражениям:

(а) Несмотря на то, что в этом случае все слова имеют значение только в контексте предложения, нет явной причины отрицать наличие значения у «субъективного права» или «обязанности» вне контекста предложения.

(b) «Обязанность» или «субъективное право» могут осмысленно использоваться в многочисленных предложениях, функция которых *не* состоит в том, чтобы получить юридическое заключение. В желании, что делать *A* не входит в мою обязанность, или что у меня есть право делать *B*, я не прихожу к юридическому заключению. Я не делаю юридического вывода, когда утверждаю, что право Смита сделать *C* должно быть отменено или что обязанность Джонса сделать *D* должна быть исполнена. Аналогично с предположениями, если у меня есть обязанность сделать *E*, то я должен был бы... Или если у Джонса есть право на *X*, то он мог бы...

(c) Харт проясняет только предложения формы «*X* имеет право». Но даже такие предложения необязательно используются для того, чтобы сделать юридическое заключение (хотя, конечно, было бы крайне неестественным утверждать, что «субъективное право» в других синтаксических структурах просто омонимично «субъективное право» в «*X* имеет право»). Сделать юридический вывод, как считаю я, значит осуществить речевой акт, выносящий вердикт [13. С. 150–154]. Но если я говорю несговорчивому инспектору дорожного движения: «Но у меня ведь есть право парковаться здесь», я не делаю юридического заключения, я просто возражаю. А посредством «Я знаю, что у тебя есть право, но ты не настаиваешь на нем» признают то, что имеет место быть, и это избавляет от занудства.

(d) Харт утверждает, что предложение «*A* имеет право» является «заключительной частью простого правового вычисления: оно фиксирует результат и вполне может быть названо юридическим заключением». Такие высказывания могут рассматриваться как заключение силлогизма, большая посылка которого есть соответствующая норма права, а меньшая посылка утверждает, что *A* подпадает под эту норму. Но *только в этом смысле* – в смысле, что эти факты входят в условия истинности «*A* имеет право». Ибо ни одно высказывание *по существу* не является заключением силлогизма. То же самое высказывание вполне могло бы быть большей посылкой некоторого другого доказательства. Первая часть определения Харта, основанного на условиях истинности, уже определяет, что существование правовой нормы соответствующего вида, которая применяется к *A*, является истинностным условием «*A* имеет право». Следовательно, вторая часть этого определения либо ложна, либо избыточна.

Как только связь между существованием правил поведения и такими терминами, как «обязанность», «субъективное право», «долг», «правомочие» и т.п. (связь, которую Харт существенно прояснил), осознана, можно видеть, что эта терминология используется не только при получении юридического (или морального) вывода, но и при описании, предположении, запросе, восхищении, желании и во множестве других сходных речевых актах. В этих понятиях существенно важно не их особое использование, но их особое зна-

чение. В качестве части своего значения все они включают ссылку на понятие нормы, т.е. все они являются нормативными понятиями.

Продемонстрировав, что вторую часть определения Харта можно проигнорировать, можно показать, что определение Харта без значительного ущерба представимо в традиционной форме аналитического определения. Ибо мы можем сказать, что субъективное право (которое рассматривается Хартом) состоит из двух правомочий, одно из них – право отменять юридическую обязанность, второе – право требовать исполнения юридической обязанности. Общий род, к которому относится субъективное право, представляет собой конъюнкцию правомочий, и она отличается от других конъюнкций правомочий, поскольку имеет другую природу. В структуре теории фундаментальных нормативных понятий эти понятия, конечно, нуждаются в прояснении (а не просто в поверхностном исследовании их определимости). Это и происходит с определяющими терминами, используемыми Хартом в его определении, основанном на условиях истинности. И важное содержание его определения сохраняется в том определении, которое сформулировано в более традиционной форме.

Если представленная выше аргументация корректна, то нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий. Они могут быть правомерными методами, точно так же как определение через род и видовое отличие. Просто являясь другими методами определения, одни из них для определенных задач более полезны, чем другие. Но в фундаментальных правовых понятиях нет ничего такого, что делало бы их более неопределимыми или определимыми только посредством новых и уникальных методов.

Литература

1. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. № 2(9). С. 228–240.
2. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 237–244.
3. Bentham J. A Fragment on Government. Oxford: Clarendon Press, 1960.
4. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 37–60.
5. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961.
6. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.
7. Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly 1969. Vol. 19, No. 77. P. 343–347.
8. Hohfeld W.N. Fundamental Legal Conceptions. New Heaven and London, 1964.
9. Stone J. Legal Systems and Lawyers' Reasoning. London, 1964.
10. Dias R.W.M. Jurisprudence 2nd ed. London, 1964.
11. Summers R.S. «Legal Philosophy Today – an Introduction» in Essays in Legal Philosophy edited R.S. Summers. Oxford, 1968.
12. Benn S.I. «Rights» in Encyclopedia of Philosophy / ed. P. Edwards. Vol. 7.
13. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962.

DOI: 10.17223/1998863X/39/27

Valery A. Surovtsev. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: surovtshev1964@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/39/26

PETER HACKER ON DEFINITION IN JURISPRUDENCE

Key words: definition, paraphrasis, context, analytical legal philosophy, legal concept

The article deals with the study of the problem of the definability of fundamental legal concepts, in particular, and the evaluation of the place of the theory of definition in modern jurisprudence, as a whole. The critical arguments of Peter Hacker against the dominant in analytical legal philosophy approach to the definition of the legal concepts of Herbert Hart are presented and analyzed. It is shown that both Bentham's position and Hart's arguments against the definition of per genus et differentiam are invalid, since there is no reason to think that paraphrastic definition or truth-conditional definition are uniquely suited to the definition of fundamental legal or normative concepts. The translation into Russian P. Hacker's «Definition in Jurisprudence» is presented in appendix.

References

1. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2015) Definition per genus proximum et differentiam specificam and legal language. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2(9). pp. 228–240. (In Russian).
2. Ogleznev, V.V. (2016) “Open texture” of legal language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 237–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/28
3. Bentham, J. (1960) *A Fragment on Government*. Oxford: Clarendon Press.
4. Hart, H.L.A. (1954) Definition and Theory in Jurisprudence. *Law Quarterly Review*. 70. pp. 37–60. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253884.003.0002
5. Hart, H.L.A. (1961) *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press.
6. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2016) *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical Philosophy, Legal Language and Philosophy Of Law]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Hacker, P. (1969) Definition in Jurisprudence. *The Philosophical Quarterly*. 19(77). pp. 343–347.
8. Hohfeld, W.N. (1964) *Fundamental Legal Conceptions*. New Heaven and London: Yale University Press.
9. Stone, J. (1964) *Legal Systems and Lawyers' Reasoning*. London: Stanford University Press.
10. Dias, R.W.M. (1964) *Jurisprudence*. 2nd ed. London: Butterworths.
11. Summers, R.S. (1968) Legal Philosophy Today – an Introduction. In: Summers, R.S. (ed.) *Essays in Legal Philosophy*. Oxford: Basil Blackwell.
12. Benn, S.I. (1972) Rights. In: Edwards, P. (ed.) *Encyclopedia of Philosophy*. Vol. 7. Collier Macmillan Publishers.
13. Austin, J.L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.